

Познай сначала, кто ты есть,
и вот так украшай себя.

Эпиктет

Глава 1

Именно усы напомнили мне, что я уже не в Англии: густая седая подкова, закрывающая верхнюю губу; усы а-ля «Виллидж пипл», ковбойские усы, этакая мини-швабра, свидетельствующая о том, что с его обладателем шутки плохи. У нас в Англии подобных усов практически не встретишь. Я смотрела на них во все глаза.

— Мэм?

Единственным человеком, у которого я в свое время видела такие усы, был мистер Нейлор, наш учитель математики, и в этих его усах вечно застревали крошки, которые мы радостно пересчитывали на уроке алгебры.

— Мэм?

— Ой! Простите.

Мужчина в форме, не отрывая глаз от экрана, пригласил меня пройти вперед резким движением руки. Я терпеливо ждала у стойки паспортного контроля. Скопившийся за долгую дорогу пот начал мало-помалу впитываться в платье. Мужчина небрежно помахал чепухом толстыми короткими пальцами. Как я поняла пару секунд спустя, это означало требование предъявить паспорт.

— Имя.

— Там все написано.

— Ваше имя, мэ.

— Луиза Элизабет Кларк. Хотя именем Элизабет я вообще не пользуюсь. Потому что мама почти сразу же поняла, что тогда все будут звать меня Лу Лиза. А если произнести очень быстро, то получится Лу Ши-за. Хотя папа считает, это имя мне вполне подходит. Но не потому, что я шизик. Я хочу сказать, вам ведь в вашей стране и своих шизиков хватает. Ха! — Мой голос эхом отдавался от плексигласовой перегородки.

Хозяин густых усов наконец поднял на меня глаза. У него были широкие плечи, а пронизывающий взгляд действовал лучше любого электрошокера. Мужчина не улыбался. Он ждал, когда померкнет моя улыбка.

— Простите, — сказала я. — Вид людей в форме меня нервирует. — Я оглянулась на иммиграционный зал, на змеящуюся за моей спиной очередь, которая сдваивалась бесчисленное число раз, превращаясь в бурлящее людское море. — Мне стало немножко не по себе. Если честно, это была самая длинная очередь, в которой мне когда-либо доводилось стоять. Я даже подумала, что пора начать составлять список рождественских подарков.

— Положите руки на сканер.

— Она всегда такая длинная?

— Сканер? — нахмурился он.

— Нет. Очередь.

Но он меня уже не слушал. А внимательно изучал что-то на экране. Я положила пальцы на считывающее устройство. И тут звякнул мой телефон.

Мама.

Ты приземлилась?

Я начала было печатать ответ свободной рукой, но мужчина в форме резко повернулся ко мне:

— Мэм, здесь запрещено пользоваться мобильными телефонами.

— Это моя мама. Хочет узнать, долетела я или нет. — Убрав от греха подальше телефон, я попыталась незаметно нажать на смайлик.

— Цель поездки?

Тем временем от мамы пришел ответ:

Что это значит?

Мама пристрастилась к текстовым сообщениям, как утка к воде, и теперь набирает их быстрее, чем говорит, а именно со сверхзвуковой скоростью.

Ты же знаешь, мой телефон не принимает маленькие картинки. Это что, СОС? Луиза, срочно сообщи, что ты в порядке!

— Цель вашей поездки, мэм? — Усы раздраженно задергались. — Что вы делаете здесь, в Соединенных Штатах?

— У меня новая работа.

— Какая?

— Я собираюсь работать на одну семью в Нью-Йорке. Центральный парк.

Мой собеседник поднял брови. Буквально на миллиметр. Проверил адрес на заполненном мной бланке.

— И чем вы будете заниматься?

— Сложно объяснить. Я буду чем-то вроде платной компаньонки.

— Значит, платная компаньонка.

— Вот именно. Однажды я уже работала на одного мужчину. Была его компаньонкой, а еще давала ему лекарства, вывозила на прогулки, кормила. Конечно, это может показаться несколько странным... но у него не действовали руки. В общем, никаких там тебе извращений. В результате вся эта история переросла в нечто боль-

шее: сложно не привязаться к людям, за которыми ухаживаешь, а Уилл — тот мужчина — был потрясающим, и мы... Короче, мы полюбили друг друга. — Слишком поздно осознав, что предательские слезы уже на подходе, я порывисто вытерла глаза. — Поэтому, полагаю, работа будет примерно такой же. За исключением любовной линии. И кормления. — Увидев, что офицер иммиграционной службы продолжает на меня таращиться, я попробовала улыбнуться. — Если честно, рассказывая о работе, я, вообще-то, не плачу. Я ведь не шизик, несмотря на дурацкое имя. Ха! Но я любила его. А он любил меня. И потом он... Одним словом, он предпочел уйти из жизни. Теперь я просто пытаюсь начать все заново. — Слезы уже текли непрерывным потоком. Ужасно неловко. Но я не знала, как их остановить. — Простите, все дело в смене часовых поясов. Ведь, если считать по нормальному времени, сейчас, наверное, всего два часа ночи. Так? Короче, у меня новый парень. Супер! Парамедик! И такой горячий! Это все равно что выиграть парня в лотерею. Так? Горячего парамедика? — Я безуспешно пыталась нашарить в сумочке носовой платок. А когда подняла глаза, иммиграционный офицер уже протягивал мне коробку бумажных салфеток. Я взяла одну. — Спасибо. Итак, мой друг Натан — он из Новой Зеландии, но работает здесь — помог мне получить эту должность, и я пока не в курсе, в чем конкретно будут состоять мои обязанности. Знаю только, что придется приглядывать за женой этого богатея. У нее депрессия. Но на сей раз я твердо решила жить так, как завещал Уилл, поскольку раньше что-то пошло не так. Я ведь недавно бросила работу в аэропорту. — И тут я сразу прикусила язык. — Нет... э-э-э... нет ничего плохого в том, чтобы работать в аэропорту. Я уверена, иммиграционная служба — очень ответственное поле деятель-

ности. Очень, очень. Но у меня есть план. Я собираюсь делать что-нибудь новое каждую неделю моего пребывания здесь. И я собираюсь сказать «да».

— Сказать «да»?

— Новым вещам. Уилл всегда говорил, что я закрыта для чего-то нового. Поэтому у меня вот такой план.

Офицер внимательно изучил заполненные мной бумаги, после чего заявил:

— Вы неправильно заполнили графу с адресом. Мне нужен почтовый индекс.

Он подтолкнул ко мне бланк. Я проверила номер, который предварительно напечатала на бумажке, и дрожащей рукой вписала в нужную графу. Потом покосилась налево. Очередь уже начала роптать. У соседней стойки два офицера опрашивали китайскую семью. И когда женщина стала протестовать, их всех вместе куда-то повели. Внезапно я почувствовала себя очень одинокой.

Офицер оглядел толпу за моей спиной, после чего резким движением проштамповал паспорт.

— Удачи вам, Луиза Кларк, — произнес он.

— Вот так просто? — уставилась на него я.

— Вот так просто.

Я расплылась в улыбке:

— Ой, спасибо вам большое! Как мило с вашей стороны! Я хочу сказать, страшно впервые оказаться совсем одной на другом конце света, но сейчас у меня такое чувство, будто я только что встретила здесь своего первого хорошего человека и...

— Мэм, проходите, пожалуйста.

— Конечно. Извините меня. — Собрав свои вещи, я смахнула со лба потную прядь волос.

— И, мэм...

— Да? — Интересно, что еще я сделала не так.

Он не стал отрывать взгляд от экрана:

— Будьте осторожны. И хорошенько подумайте, прежде чем сказать «да».

Натан, как и обещал, ждал меня в зале прибытия. Я обшарила глазами толпу, явно чувствуя себя не в своей тарелке, поскольку в глубине души была уверена, что никто не станет меня встречать. Но он был там, огромной рукой махал поверх голов обтекающего его потока людей. Он поднял вторую руку, расплывшись в широкой улыбке, после чего протиснулся ко мне и оторвал от земли в крепком объятии:

— Лу!

При виде Натана у меня непроизвольно сжалось сердце — из-за воспоминаний об Уилле, внезапного ощущения утраты, эмоциональной перегрузки после довольно тряского семичасового перелета. Я была рада оказаться в крепких объятиях друга, так как это давало мне время собраться.

— Добро пожаловать в Нью-Йорк, Коротышка! Вижу, ты не утратила чувства стиля. — Теперь он держал меня на вытянутых руках и ухмылялся.

Я одернула платье с тигровой расцветкой в духе 1970-х. Мне казалось, в нем я буду похожа на Джеки Кеннеди, в ее бытность женой Онассиса, правда пролившей себе на колени полчашки поданного в самолете кофе.

— Как я рад тебя видеть! — Он легко, как перышко, подхватил мои набитые чемоданы. — Пошли. Давай отвезу тебя домой. «Приус» сейчас на техобслуживании, поэтому мистер Гупник одолжил свою машину. Пробки чудовищные, но зато прибудешь с помпой.

Автомобиль мистера Гупника был черным, гладким, размером с автобус, а двери закрывались с едва различимым глухим чмоканием, говорившим о шестизначной

цифре на ценнике. Натан уложил чемоданы в багажник, и я, вздохнув, устроилась на пассажирском сиденье. Проверила телефон, в ответ на четырнадцать маминых сообщений написала, что я в машине и позвоню завтра, после чего ответила Сэму, который сообщил, что скучает, коротким:

Приземлилась. xxx

— Как там твой парень? — поинтересовался Натан.

— Хорошо, спасибо. — На всякий пожарный я добавила еще парочку «хх».

— Не возражал против твоего отъезда?

Я пожала плечами:

— Он понимает, что мне это необходимо.

— Мы все понимаем. Тебе просто потребовалось время, чтобы выбрать свой путь. Такие дела.

Я убрала телефон, откинулась на спинку сиденья и принялась разглядывать незнакомые названия на вывесках вдоль дороги: «Милб. Продажа шин», «Спортзал у Ричи», — а еще машины «скорой помощи», дома на колесах, ветхие коттеджи с облупившейся краской и покосившимися верандами, баскетбольные площадки, длиннющие фуры, возле которых дальнобойщики что-то прихлебывали из огромных пластиковых стаканов. Натан включил радио. Комментатор по имени Лоренцо говорил о бейсбольном матче, и я вдруг почувствовала себя так, будто оказалась в параллельной реальности.

— У тебя будет весь завтрашний день на то, чтобы оклематься. Какие-нибудь пожелания имеются? Думаю, тебе нужно хорошенько выспаться, ну а потом я отведу тебя на бранч. За первую неделю в Нью-Йорке ты должна получить представление о здешнем общепите.

— Звучит заманчиво.

— Они вернуться из загородного клуба не раньше завтрашнего вечера. На прошлой неделе они всю дорогу

собачились. Ладно, посвящу тебя в суть дела, после того как выплывешь.

Я уставилась на Натана:

— Никаких скелетов в шкафу, да? Это ведь не будет, как...

— Они не похожи на Трейноров. Типичная неблагополучная семья мультимиллионеров.

— А она милая?

— Она классная. Правда, еще та заноза в заднице, но все равно классная! Впрочем, он тоже.

Пожалуй, это самая лестная характеристика, которую можно услышать из уст Натана. После этого он погрузился в задумчивость. Натан никогда особо не любил сплетничать. Ну а я сидела в прохладном салоне эlegantного «Мерседеса GLS» и из последних сил боролась с накатывающими на меня приступами сонливости. Я думала о Сэме, который за несколько тысяч миль отсюда, наверное, видел сейчас десятый сон в своем железнодорожном вагоне, о Трине и Томе, живущих в моей тесной квартирке в Лондоне. Потом я услышала голос Натана:

— Ну вот и приехали.

С трудом разлепив воспаленные веки, я обнаружила, что мы на Манхэттене, едем по Бруклинскому мосту, сверкающему миллионом ярких огней, захватывающему дух, блестящему, прекрасному до невозможности и настолько знакомому по телепередачам и фильмам, что с трудом верилось, что я вижу его наяву. Я выпрямилась на сиденье и, онемев от восторга, смотрела, как мы въезжаем в самую известную столицу мира.

— Нестареющий вид, да? Пожалуй, пошкарнее будет, чем твой Стортфолд.

И тут меня наконец накрыло. *Мой новый дом.*

— Привет, Ашок! Как дела?

Натан покотил мои чемоданы по отделанному мрамором вестибюлю, а я усиленно таращилась на черные с белым плитки, на латунные перила, стараясь не спотыкаться; мои шаги эхом разносились под высокими сводами. Все это было похоже на вход в роскошный, слегка поблекший отель: лифт отделан блестящей латуной, на полах — красные с золотом ковры. Обстановка чересчур мрачная, чтобы быть комфортной. В воздухе стоял запах пчелиного воска, начищенных туфель и больших денег.

— Нормально, приятель. А это кто?

— Луиза. Она будет работать на миссис Гупник.

Выйдя из-за стойки, консьерж в униформе протянул мне руку. У него была широкая улыбка и цепкий взгляд бывалого человека.

— Очень приятно познакомиться. Ашок. Так вы англичанка! У меня есть кузен в Лондоне. Крой-даун. Вы знаете Крой-даун? Вы там когда-нибудь были? Большой человек. Понимаете, о чем я?

— Я плохо знаю Кройдон, — ответила я, но, увидев его вытянувшееся лицо, поспешно добавила: — Но в следующий раз, когда там окажусь, непременно его отыщу.

— Луиза, добро пожаловать в «Лавери». Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь. Я здесь двадцать четыре часа семь дней в неделю.

— И это вовсе не шутка, — подтвердил Натан. — Мне иногда кажется, что он даже спит под своей стойкой. — Натан махнул рукой в сторону тускло-серых дверей грузового лифта в задней части вестибюля.

— Черт, трое ребятшек, мал мала меньше! — сообщил Ашок. — Поверьте, только работа и помогает мне не свихнуться. Чего нельзя сказать о моей жене. — Он

ухмыльнулся. — Я серьезно, мисс Луиза. Только свистните — и я всегда к вашим услугам.

— Это он о наркотиках, проститутках и борделях? — шепотом спросила я, когда за нами закрылись двери грузового лифта.

— Нет. Это он о театральных билетах, столиках в ресторане и первоклассных химчистках, — ответил Натан. — Мы ведь на Пятой авеню. Господи! Чем ты занималась у себя в Лондоне?

Резиденция Гупника занимала семь тысяч квадратных футов на втором и третьем этаже здания в готическом стиле из красного кирпича. Подобный дуплекс, какой нечасто встретишь в этой части Нью-Йорка, являлся свидетельством богатства нескольких поколений семейства Гупник. Как сказал Натан, «Лавери» был уменьшенной копией известного здания «Дакота» и, кроме того, одним из старейших кооперативов в Верхнем Ист-Сайде. Никто не мог ни купить, ни продать квартиру в этом доме без одобрения правления собственников жилья, которые упорно противились любым переменам. И если шикарные кондоминиумы по другую сторону парка стали прибежищем для представителей новых денег: русских олигархов, поп-звезд, китайских сталелитейных магнатов и миллиардеров из технологической сферы, — с общественными ресторанами, спортзалами, детсадами и бесконечными бассейнами, — то жители «Лавери» оставались приверженцами старых традиций.

Апартаменты эти передавались по наследству из поколения в поколение. Их обитатели сумели приспособиться к системе внутрисетевых сетей 1930-х годов, выдержали продолжительные и позиционные бои, чтобы получить разрешение на любые переделки чуть существеннее, нежели установка переключателя, и вежли-

во смотрели в другую сторону, пока Нью-Йорк вокруг них стремительно менялся, словно отворачиваясь от нищего с картонной табличкой в руках.

Я даже не успела толком рассмотреть роскошный дуплекс, с паркетными полами, высокими потолками и камчатыми шторами, поскольку мы напрямиком направились в комнаты для прислуги, расположенные на втором этаже, в дальнем конце идущего от кухни длинного узкого коридора, — аномалия, сохранившаяся с незапамятных времен. В более современных или модернизированных домах комнаты для прислуги уже ликвидированы как класс: домработницы и нянечки теперь едут из Квинса или Нью-Джерси на самых ранних поездах и возвращаются уже затемно. Но семья Гупник владела этими комнатухами еще со времени постройки здания. Их нельзя было ни переделывать, ни продавать, поскольку, согласно документам, они были неотъемлемой частью хозяйской резиденции и числились как кладовые. И нетрудно было заметить, почему их вполне можно было рассматривать в качестве таковых.

— Вот тут. — Натан открыл дверь и поставил мой багаж.

В моей комнате — примерно двенадцать на двенадцать футов — поместились двуспальная кровать, комод, платяной шкаф и телевизор. В углу примостилось обитое бежевой тканью небольшое кресло с продавленным сиденьем — свидетельство хронической усталости предыдущих обитателей комнаты. Крошечное окошко, кажется, выходило на юг. Или на север. Или на восток. Впрочем, трудно сказать, поскольку окно находилось всего в шести футах от глухой кирпичной стены здания напротив, причем такого высокого, что небо можно было увидеть, лишь прижавшись носом к стеклу и свернув себе шею.

Кухня для персонала располагалась тут же по коридору, мне предстояло делить ее с Натаном и домоправительницей, чья комната была напротив.

На моей кровати высилась аккуратная стопка из пяти темно-зеленых футболок поло и нечто вроде черных штанов с дешевым тефлоновым блеском.

— Разве они не сказали тебе про униформу? — (Я рассеянно взяла футболку из стопки.) — Это просто штаны и футболка. Гупники считают, что с униформой все становится проще. Каждый твердо знает свое место.

— Конечно, если хочешь выглядеть как игрок в поло!

Я заглянула в крошечную ванную комнату, отделанную коричневым мрамором в известковом налете, и увидела унитаз, маленькую ванну, будто дошедшую до нас с 1940-х годов, и душ. Мыло в бумажной обертке лежало на краю ванны, средство для уничтожения тараканов скромно стояло в сторонке.

— По манхэттенским стандартам, это еще очень даже шикарно, — произнес Натан. — Понимаю, комната выглядит обшарпанной, но миссис Гупник сказала, что мы можем ее перекрасить. Парочка дополнительных светильников, вылазка в «Крейт и Баррель» и...

— Мне нравится, — дрожащим голосом прервала я Натана. — Натан, я в Нью-Йорке. Я действительно здесь.

Он сжал мое плечо:

— Ага. Ты действительно здесь.

Преодолевая приступы сонливости, я распаковала вещи, перекусила с Натаном готовой едой (он называл это «едой навынос», совсем как настоящий американец), попереключала 859 каналов на маленьком телевизоре, бóльшая часть которых до бесконечности крутила аме-

риканский футбол, рекламу средств для улучшения пищеварения или бездарные криминальные шоу, после чего меня наконец сморило, и я отрубилась. Проснувшись без четверти пять утра, дезориентированная воем незнакомой сирены и глухим рычанием газующего грузовика. Включила свет, а когда вспомнила, где нахожусь, почувствовала приступ нервного возбуждения.

Достав из сумки лэптоп, я отправила Сэму текстовое сообщение:

Ты там? Ххх

Я ждала, но ответа так и не получила. Он говорил, у него сегодня дежурство, а значит, ему будет не до того, чтобы высчитывать разницу во времени. Тогда я убрала лэптоп и попыталась еще немного вздремнуть. Трина говорит, что от недосыпа я становлюсь похожа на грустную лошадь. Но непривычные звуки чужого города действовали на меня как сигнал к пробуждению, так что уже в шесть утра я вылезла из постели, приняла душ, стараясь не обращать внимания на льющуюся ржавую воду, оделась — джинсовый сарафан и винтажная бирюзовая блузка без рукавов с принтом статуи Свободы — и отправилась на поиски кофе.

Я шлепала по коридору, судорожно вспоминая, где находится кухня для персонала, которую накануне показывал Натан. Открыв заветную дверь, я с порога поймала на себе пристальный взгляд какой-то коренастой женщины средних лет. Темные волосы, уложенные крупными волнами, как у кинозвезды 1930-х годов, красивые карие глаза и брюзгливо опущенные уголки рта, словно для демонстрации постоянного недовольства.

— Хм... Доброе утро! — (Она продолжала сверлить меня взглядом.) — Я... я Луиза. Новая девушка. Помощница... миссис Гупник...

— Она не миссис Гупник. — Заявление темноволосой женщины повисло в воздухе.

— Вы, должно быть... — Я порылась в своих раскисших мозгах, но так и не смогла припомнить ни одного подходящего имени. «Ну давай же, тупица, давай!» — подстегивала я себя. — Простите. У меня сегодня каша в голове. Временной сдвиг.

— Меня зовут Илария.

— Илария. Ну конечно же! Простите. — Я протянула руку, но женщина проигнорировала мой жест.

— Я знаю, кто ты.

— Э-э-э... Не могли бы вы показать, где Натан держит молоко? Я просто хотела выпить кофе.

— Натан не пьет молока.

— Да неужели? А раньше пил.

— Думаешь, я лгу?

— Нет. Я совсем не это хотела ска...

Она сдвинулась чуть-чуть левее и махнула рукой на навесной шкафчик, вдвое меньше всех остальных, находящийся практически вне пределов досягаемости:

— Это твой. — После чего она открыла холодильник, чтобы достать сок, и я заметила на ее полке двухлитровую бутылку молока, затем захлопнула дверцу и смерила меня суровым взглядом. — Мистер Гупник будет дома в восемнадцать тридцать. К его приходу ты должна надеть униформу. — С этими словами она, негодуя стуча подошвами шлепанцев, вышла в коридор.

— Приятно было познакомиться! Уверена, у нас еще будет куча возможностей для встреч!

С минуту я задумчиво разглядывала холодильник, а потом решила, что в такое время вполне можно выйти в магазин за молоком. Ведь, как ни крути, я была в городе, который никогда не спит.

Нью-Йорк, может, и не спал, но «Лавери» был окутан плотной пеленой тишины, будто намекающей на совместный прием снотворного всеми собственниками жилья. Итак, я прошла по коридору и осторожно закрыла за собой входную дверь, предварительно восемь раз проверив, что кошелек и ключи лежат в сумке. Я прикинула, что столь ранний час и сонное царство вокруг дают мне полное право присмотреться к месту, где я в конце концов оказалась.

Я на цыпочках пробиралась к выходу, роскошный ковер приглушал шаги, но тут за одной из дверей затявкала собака — истеричный, надрывный, протестующий лай, — и старческий голос что-то крикнул, правда, я не разобрала что. Чтобы не перебудить весь дом, я ускорила шаг и, обойдя стороной главную лестницу, направилась к грузовому лифту.

В вестибюле никого не было, поэтому я сама открыла дверь на улицу, тотчас же оказавшись посреди сумятицы света и звуков, настолько ошеломляющей, что пришлось на секунду замереть, чтобы не упасть. Прямо передо мной оазисом в пустыне раскинулся на многие мили вокруг Центральный парк. Слева от меня на боковых улочках уже всю кипела жизнь: здоровенные парни в комбинезонах под наблюдением копа, скрестившего на груди похожие на окорока руки, выгружали из фургона деревянные ящики. Неподалеку деловито тарактела подметально-уборочная машина. Водитель такси переговаривался через открытое окно с каким-то человеком. Я перебрала в уме основные достопримечательности Большого яблока. Запряженные лошадьми экипажи! Желтые такси! Невероятно высокие здания! Двое усталых туристов, явно находившихся пока в другой временной зоне, катили, сжимая в руках пенопластовые стаканчики кофе, коляски с детьми. Манхэттен простирался во

все стороны — необъятный, позолоченный солнцем, оживленный и сверкающий.

Мой синдром смены часовых поясов исчез с остатками утренней дымки. Я сделала глубокий вдох и пошла вперед, понимая, что улыбаюсь, как идиотка, но ничего не могу с этим поделать. Я отмахала восемь кварталов, так и не встретив ни одного круглосуточного супермаркета. Свернув на Мэдисон-авеню, я прошла мимо стеклянных фасадов роскошных магазинов, мимо затесавшихся между ними ресторанчиков с темными, как пустые глазницы, окнами, мимо раззолоченного отеля со швейцаром в ливрее, не удостоившего меня взглядом.

Я прошла еще пять кварталов, постепенно начиная осознавать, что здесь отнюдь не тот район, где можно запросто заглянуть в бакалейную лавку. В свое время я представляла себе нью-йоркские закусовые на каждом углу, с хамоватыми официантками и мужчинами в белых шляпах с плоской тульей и загнутыми полями, но все вокруг было настолько помпезным и гламурным, что не приходилось рассчитывать найти за этими дверями омлет с сыром или кружку горячего чая. Мне попадались навстречу в основном туристы или затянутые в лайкру, отгородившиеся от мира наушниками заядлые любители бега, которые ловко обходили стороной недовольных бомжей со злобными глазами и морщинистыми серыми лицами. Наконец я наткнулась на большой сетевой кофе-бар, где, похоже, собиралась половина нью-йоркских ранних пташек. Они таращились в айфоны или кормили неестественно жизнерадостных малышей под лившуюся из настенных динамиков поп-музыку.

Я заказала капучино и маффин, который бариста, не дав мне открыть рот, разрезал пополам, подогрел и намазал маслом, причем все это не отрываясь от увлекательной беседы с коллегой о бейсболе.

Расплатившись, я села с завернутым в фольгу маффинном и откусила небольшой кусочек. Даже если не учитывать сосущее чувство голода, вызванного синдромом смены часовых поясов, это была самая восхитительная еда, какую я когда-либо пробовала.

Я, наверное, с полчаса смотрела в окно на утренний Манхэттен, во рту стоял вкус тающего маслянистого маффина и обжигающего крепкого кофе, а в голове крутились сумбурные мысли. Мой обычный внутренний монолог. *Я нью-нью-йоркский кофе в нью-йоркской кофейне! Я гуляю по нью-йоркской улице! Совсем как Мег Райан! Или Дайан Китон! Я в самом настоящем Нью-Йорке!* И тут я наконец ясно поняла, что именно пытался объяснить мне Уилл два года назад. В эти несколько минут, наслаждаясь непривычной едой и впитывая в себя незнакомые виды, я жила мгновением. Я целиком и полностью отдалась происходящему, все мои чувства воскресли, все мое существо было открыто для восприятия нового опыта. Я была в единственном месте на земле, где хотела быть.

И тут буквально на ровном месте две женщины за соседним столом устроили кулачный бой. Брызги кофе и кусочки выпечки летели во все стороны. Баристы оперативно бросились разнимать хулиганок. Отряхнув крошки с платья и закрыв сумку, я решила, что, пожалуй, пора возвращаться в спокойствие и тишину «Лавери».